ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НОВАГО ТИПА.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

Цѣна 12 коп. На станціяхъ жел. дорогъ 15 коп.

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Еженедѣльникъ НОВАГО типа.

Органъ критической мысли. Сатирическій календарь литературы, искусства и общественной жизни.

Редакторъ—**И. Василевскій (Не-Буква).**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Петроградъ, Невскій пр., 63. Телеф. 169-55.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—**4** р. **50** к., на 1/2 г.—**2** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ—**55** коп.

№ 4.

ЯНВАРЬ 1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сергѣй Горный—Хорей русской жизни.
М. Сивачевъ—Духа не угашайте.
Т. Ганжулевичъ—Новыя книги.
В. Вегеновъ—Дружескія колючки.
И. Василевскій (Не-Буква)—„Русское Слово".
Л. Фортунатовъ—Великій ребенокъ.
О. Слищанъ—Новый видъ гаданія.
Оскорбленный Литераторъ—Про васъ будь сказано.
М. Пустынинъ—На орѣхи.

Постоянные отдѣлы:
Ежемѣсячники. | **Стихи и поэты.**
Среди критиковъ. | **Авторы о себѣ.**
Еженедѣльники. | **Вермишель.**

„РУССКОЕ СЛОВО".

ПАМФЛЕТЪ Н. Я. АБРАМОВИЧА.

Литературно-критическій обзоръ.

„Писатель долженъ быть холоденъ"... Этотъ завѣтъ Чехова касается, какъ извѣстно, именно беллетристики и чистаго искусства. Слѣдуетъ ли считать это правило обязательнымъ и въ томъ, что касается публицистики, самыхъ острыхъ и буйныхъ обличеній?

...Пусть бушуетъ и бунтуетъ мысль, пусть пѣнится и клокочетъ искреннее слово. Но—перомъ владѣющимъ, а не перомъ „владѣемымъ" долженъ оставаться авторъ.

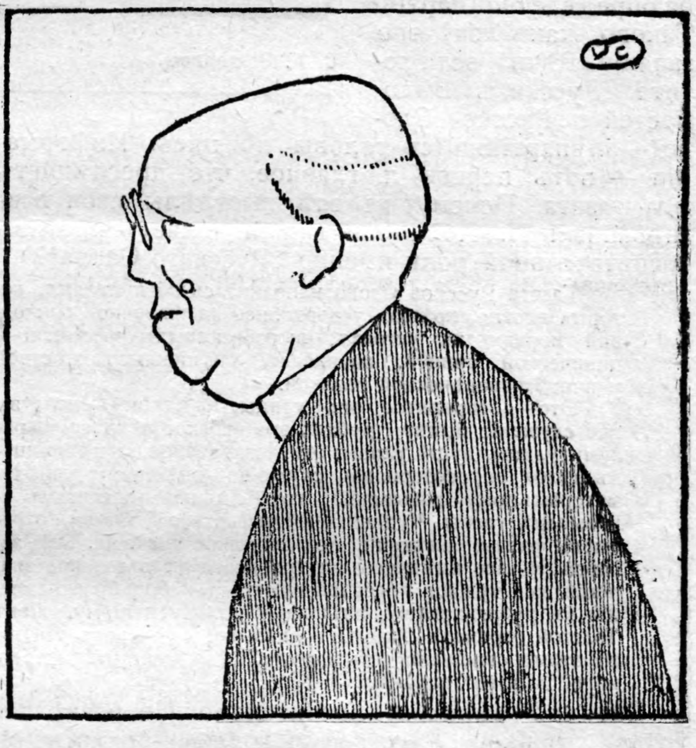
Н. Я. Абрамовичъ—хочется вѣрить,—не только горячо, но и искренне отнесся къ темѣ своего памфлета:

> ...Читаетъ ли кто-либо лекцію, назначается ли диспутъ по вопросамъ драматургіи, литературы, искусства, морали, политики—вездѣсущій репортеръ тутъ же. Онъ приходитъ творить судъ и расправу. Онъ ловитъ на-лету два-три слова, чье-либо случайное сужденіе въ толпѣ, и на утро обыватель, раскрывающій „Русское Слово",— читаетъ невѣжественное и дикое сужденіе, въ которомъ вопіетъ наглость и наѣздническая рѣшительность. Это настоящая опричина печати, горсть дикарей, пользующаяся захватнымъ правомъ въ области прессы и творящая свои наѣзды и расправы...

Но въ этой вотъ горячности, несомнѣнно правильной въ основѣ своей,—Н. Абрамовичъ перехватилъ черезъ край, „Нужна хорошая кружка кипятку, чтобы ошпарить всѣхъ этихъ паразитовъ"—заявляетъ, напр., онъ и неловкое ощущеніе пересола мѣшаетъ внимательно вслушаться въ его мысль.

Нѣтъ, Богъ съ ней съ „кружкой кипятку". Какъ аргументъ это совсѣмъ не годится. Но Н. Абрамовичъ упорствуетъ:

> Дорошевичъ и Григорій Петровъ даютъ то, что связано съ хлѣбомъ, съ деньгами, съ дровами, мясомъ, рынкомъ. Они вмѣстѣ съ толпой бьютъ и изгоняютъ пророковъ и смѣются надъ мечтателями и чающими иного жизненнаго движенія. Среди пестраго уличнаго движенія и городской рыночной суеты они выстроили нѣчто вродѣ крѣпости обывательскаго духа, обывательской философіи.
>
> ...Только благодаря нашимъ убожеству, зависимости и рабству мнѣній, можемъ мы вынести этого разростающагося и жирѣющаго левіафана наглости, сытости, мѣщанства и духовнаго босячества...
>
> Нужна невѣроятной, неслыханной силы бомба, чтобы взорвать эту крѣпость, крѣпко связанную съ толщей всей человѣческой обывательщины.



Ѳ. Сологубъ. Шаржъ В. Каррика.

Безъ „кипятка" и „бомбъ"—никакъ не согласенъ обойтись авторъ „памфлета".. Такъ и ждешь, что онъ вотъ-вотъ и къ ядовитымъ газамъ прибѣгнетъ. Откуда, однако, этотъ гнѣвъ противъ „Русскаго Слова"?

За какіе грѣхи такъ сурово ополчился противъ этой газеты г. Н. Абрамовичъ?

> Къ сожалѣнію, газета „Русское Слово" выросла и достигла такого тиража, при которомъ каждая плоская выходка репортера, каждый жестъ фельетониста—пріобрѣтаютъ совершенно несоотвѣтствующее ихъ дѣйствительной цѣнности значеніе. Проложено русло, по которому

АВТОРЫ О СЕБѢ.

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ.

Статья **М. Сивачева**.

О томъ, что рождаетъ нищета и голодъ, я разскажу кое-что изъ своего прошлаго. Полуголодалъ я долго, можно сказать, что къ этому ужъ привыкъ, но по временамъ у меня наступали и полныя голодовки, когда по нѣсколько дней я не видѣлъ крошки хлѣба. И вотъ въ одну изъ голодовокъ я забунтовалъ. Бывали голодовки, когда посидишь на пищѣ св. Антонія день-два и смиришься: пойдешь къ кому-нибудь занять малую толику денегъ или просто пообѣдать. А тутъ—шелъ день, другой, третій, четвертый, а я валялся въ своей комнатѣ на постели съ недобрымъ рѣшеніемъ хотя бы сдохнуть, но никуда не итти. И не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ искусъ, если бы не кухарка квартирной хозяйки. Дѣло было зимой. И вотъ на четвертый день къ вечеру, когда уже смерклось, эта кухарка тихо вошла въ мою комнату, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, прислушалась и, вѣроятно, рѣшивъ, что я сплю, положила на столъ большой кусокъ чернаго хлѣба и еще тише, чѣмъ вошла, вышла.

Имѣла она лѣтъ подъ 40, высокаго роста, сильно сложена—въ плечахъ хорошему мужику подъ стать, каждый день къ вечеру была непремѣнно пьяна и на каждую ночь залучала къ себѣ изъ дворниковъ, ночныхъ сторожей и городовыхъ какого-нибудь дюжаго молодца, но главное—страшно была чѣмъ-то на всѣхъ людей озлоблена: это озлобленіе никогда не исчезало изъ ея взгляда и прорывалось, какъ по отношенію къ хозяйкѣ, такъ и къ жильцамъ (а ихъ, кромѣ меня, было пять человѣкъ—въ томъ числѣ двѣ совершенно безобидныя консерваторки, которыя не разъ отъ ея выходокъ плакали) на каждомъ шагу грубыми вызывающими дерзостями.

Въ дни, когда у меня бывали деньги, эта кухарка готовила мнѣ обѣды, и изъ каждаго моего рубля утягивала копѣекъ 20, обманывая меня въ цѣнахъ на мясо, масло, хлѣбъ и т. д.

Я зналъ всѣ эти ея продѣлки и молчалъ. Жила она на своихъ харчахъ, и получала 15 руб. въ мѣсяцъ; еще отъ жильцовъ за услуги 7 руб.— На эти 22 руб. кухаркѣ самой нужно было ухитриться каждодневно выпить, да еще угостить гостей, которые помоложе; поэтому и харчей она никакихъ не вела: питалась только хлѣбомъ да солеными огурцами.

Выходило такъ, что ея даяніе было полное: большаго она дать не только не могла, а быть можетъ, въ этотъ злосчастный для меня день отказала себѣ въ этомъ кускѣ хлѣба.

И когда она вышла изъ моей комнаты, я сейчасъ же всталъ съ постели, взялъ кусокъ хлѣба и долго стоялъ такъ, униженный и раздавленный до глубины души: казалось, что послѣ того, когда уже мнѣ кухарки подаютъ, жить нельзя: головой о стѣну—и конецъ! Потомъ нелѣпая гордость посбавила свои требованія: захотѣлось оставить этотъ кусокъ на столѣ нетронутымъ, дабы этимъ дать понять кухаркѣ, что даянія мною не принимаются.

А затѣмъ у меня на глазахъ появились слезы благодарности... Этотъ хлѣбъ, этотъ даръ отъ души темной и ожесточенной противъ людей надо принять и съѣсть, какъ Св. причастіе,— съѣсть, если бы я даже не хотѣлъ ѣсть.

А еще лучше—оставить этотъ хлѣбъ... на память!

Но какъ оставить, когда я страшно голоденъ, а хлѣбъ на лицо?

Немного подумавъ, я нашелъ выходъ. Сунувъ хлѣбъ въ чемоданъ, я одѣлся и, пошатываясь на ходу отъ слабости, какъ человѣкъ не въ мѣру хватившій спиртного, пошелъ къ одному отставному офицеру,—къ одному изъ тѣхъ безнадежныхъ графомановъ, которые во множествѣ льнутъ къ литературѣ.

Познакомился я съ нимъ, благодаря однажды напечатанному мною въ газетахъ объявленію: „Литераторъ ищетъ мѣсто корректора; принимаетъ корректурныя работы и на домъ“.

Но ни работы, ни мѣста корректора мнѣ никто не далъ;—предложилъ зайти къ нему для переговоровъ только этотъ офицеръ. Я пошелъ и былъ въ высшей степени обрадованъ предложеніемъ „потренировать его на счетъ стиля“, за вознагражденіе по три рубля въ часъ. Заниматься каждый день по часу,

Но не долга была моя радость. Сходилъ къ нему два раза и понялъ, что и нечестно и мучительно брать деньги зря съ этого безнадежно больного человѣка. Да и условленный часъ растягивался часа на три, на четыре. Истечетъ часъ, два, онъ посмотритъ на часы и предложитъ:

— А не потренируемся еще минутъ пятокъ?

И опять цѣлый часъ я ему долженъ доказывать, что безсмыслицу изъ пяти строкъ надо вычеркнуть, или передѣлать, вотъ хотя бы, молъ, такъ, но авторъ не соглашался, давалъ какія-то туманныя объясненія, и часъ убивался совершенно безполезно.

Черезъ недѣлю послѣ такихъ тренировокъ я сталъ страдать безсонницей и острымъ нервнымъ раздраженіемъ, и отъ дальнѣйшихъ занятій отказался.

Онъ потомъ не разъ просилъ возобновить эти занятія, но я отвѣчалъ все тѣмъ же отказомъ, ибо стоялъ передо мной этотъ „писатель“, какъ кошмаръ: при мысли „тренировать“ его, меня охватывала дрожь, а потомъ странное чувство, при которомъ нельзя ручаться за себя—въ такомъ состояніи легко убить человѣка.

Но кусокъ хлѣба отъ кухарки и вотъ... Я пошелъ къ этому „ученику“.

Онъ встрѣтилъ меня кисло. Но когда узналъ, что я не прочь возобновить съ нимъ занятія, обрадовался.

— А знаете что? Сегодня писать ужъ не судьба. Такъ вотъ, махнемъ-ка въ ресторанъ?

Мы вышли, сѣли на лихача и черезъ четверть

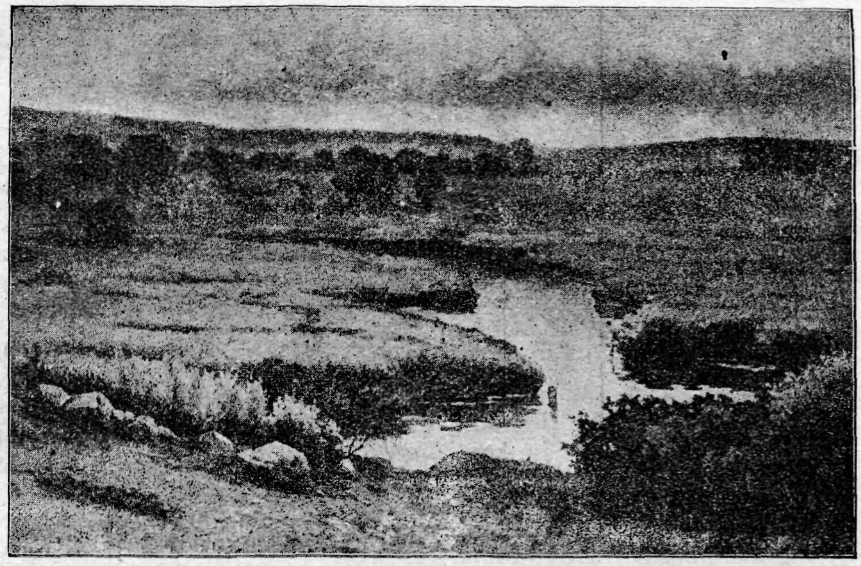
часа заняли отдѣльный кабинетъ въ шикарномъ ресторанѣ.

Передъ нами былъ столъ, весь заставленный винами, фруктами, дорогой закуской—мнѣ былъ противенъ и этотъ столъ, и офицеръ, и я самъ себѣ: стыдно было, что я буду пить и ѣсть на деньги человѣка, котораго не уважаю.

Стыдно, но я твердо рѣшилъ не поддаваться этому стыду: хотѣлось напиться вдребезги, забыться до потери сознанія.

Я попросилъ у офицера 25 руб. впередъ, что онъ и исполнилъ, потомъ слегка закусилъ и рѣшилъ оглушить себя сразу стаканомъ коньяку.

Но, должно быть, есть состоянія, когда нельзя разомъ убить напряженность сознанія. Выпивъ стаканъ коньяку, я задумался.



„Тихая рѣчка". Н. Сергѣевъ.

Остро, до боли въ мозгу, представились мнѣ кухарка, ея кусокъ хлѣба и мысль, что если я не издохну на литературномъ пути, а выбьюсь,—такъ пусть тогда этотъ хлѣбъ будетъ напоминать мнѣ, что вотъ съ одной стороны душа темная и чѣмъ то противъ всѣхъ ожесточенная, душа, не имѣющая никакого представленія о томъ, что есть на свѣтѣ какая-то литература и какіе-то люди, служащіе этой литературѣ и мнящіе, что у нихъ—даръ Божій, а вотъ съ другой стороны легіонъ служителей литературы,—писатели, поэты, люди очень важные, а иногда и очень ученые, люди, на устахъ которыхъ и въ писаніяхъ ихъ превыспренно сквозитъ, что никто лучше ихъ не знаетъ, что такое значитъ человѣчность, справедливость, люди, къ которымъ тянутся, какъ къ свѣтильникамъ въ ночи—тѣ молодые и неопытные мечтатели, которые несутъ имъ, старшимъ, свою свѣжую мысль, свои молодыя, неизжитыя и не загрязненныя еще жизнью красивыя, идеальныя чувства...

Они идутъ и несутъ молодость, красоту, вдохновеніе, но когда приходятъ, то что же эти молодые и неопытные мечтатели видятъ?

Они видятъ, что у старшихъ слова — одно, а дѣла — другое, что у нихъ двойная жизнь, двойная мораль, что возвышены они только на словахъ и въ своихъ писаніяхъ.

Они видятъ, что никому изъ старшихъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній,—ихъ молодость, красота, вдохновеніе не нужны, что они въ искусствѣ—нежеланные пришельцы, чужаки, враждебные конкурренты, что сами-то старшіе изъ-за тщеславія и денегъ враждуютъ между собою,—они видятъ, что нѣтъ имъ, молодымъ мечтателямъ, никакихъ надеждъ, никакихъ перспективъ: они могутъ сколько угодно умирать съ голоду, или—терять человѣческое достоинство и пробиваться окольными путями.

Только такимъ образомъ къ опустошеннымъ душамъ старшихъ приходятъ, какъ равные—съ опустошенными душами младшіе—приходятъ на гордый Олимпъ, откуда мертвые давятъ живыхъ, и никогда не погребаютъ своихъ мертвыхъ!

Только такимъ образомъ—окольными путями,—не иначе. А если иначе, то вотъ результатъ: безграмотная кухарка, не вѣдающая, что на свѣтѣ есть какая-то литература, творитъ благостыню литератору, ничуть не подозрѣвая, какую страшную позорную пощечину наноситъ тому лицемѣрію, тому развалу, который объединилъ въ себѣ легіонъ людей, мнящихъ себя солью земли.

Вотъ мысли, которыя я продумалъ и запомнилъ послѣ стакана коньяку. А что было дальше—не помню. Мертвецки пьянаго, офицеръ свезъ меня домой.

25 руб., конечно, оказались очень тяжелы: я только и смогъ отбыть пять дней, а на шестой у писателя-неврастеника лицо представляло такую страшную своей безсмысленностью и упрямствомъ маску, что я не выдержалъ и сбѣжалъ.

Что всего замѣчательнѣе въ этой исторіи, это то, что кухарка была все также зла,—не на меня, а вообще на всѣхъ. И что всего печальнѣе: кусокъ хлѣба я такъ и не сохранилъ. Въ чемоданѣ онъ полежалъ недѣли двѣ—и заплѣснѣвѣлъ; я заботливо убралъ его въ болѣе сухое мѣсто, но тамъ его источили мыши

...Семь лѣтъ уже истекло послѣ этой исторіи; года два, три кончились мои сплошные черные дни, но гримасы голода,—мысли и чувства, пережитыя во время голодовокъ, не забываются, какъ нѣкогда наложенное и неизживаемое проклятье.

Убита въ нечеловѣчески-напряженной борьбѣ молодость, ея смѣлый задоръ, могущій безъ устали работать по 20 часовъ въ сутки, убиты силы—почти безплодно, мучительно, незамѣтно.

И все это сдѣлалъ голодъ.

И если бы кто-нибудь, чуткій и близкій, спросилъ,—почему ты не горишь въ творческой стихіи какъ раньше,—то не отчаянный бы крикъ (даже и, эта стадія уже пережита), былъ въ твоемъ отвѣтѣ, а шопотъ усталый и скорбный:

— Духъ угасили.

М. Сивачевъ.